
Затяни, и потуже, оранжевый галстук -
На Тверской не горят фонари,
если в город приходит и движется галсом
Лопе Феникс, армада зари,

Замечая окурки, шприцы и кондомы,
и скучающий сити-мобиль
у России, где жрут шаверму миллионы.
Намечается образ один -

То ли служит актером он, то ли поэтом.
За подробностью вышел во двор.
Шелудива собака в окрестности этой,
Янтарем отдает светофор.

Наступает заря, от похмелья микстура.
Тем упорней движение туч,
Если кончилась русская литература,
Износился поэзии луч.

Но слепому возможно потрогать руками:
Это бывшее место пивной,
Это первый поэт, вознесенный на камень
к лику ликом, к России спиной;

это будущее, которого нет,
настоящее, где не до нас.
Заложив руки за спину, утром поэт
горевал, что закладывал галс.

И прогулка его на рассвете - побудка,
и - покуда плывут облака -
здравствуй, здравствуй, Москва, камер-юнкера
куртка.
Александр Сергеич, пока.

В вешний день промозглый, но не черствый,
у ручья, где горка и мостки,
борются с неискренним актерством
первые мать-мачехи ростки.

Разрывая мертвечину плевел,
сухостой, где проржавел плакат,
у дороги прорастает клевер,
родничком нацеленный в закат.

На окне, как будто с ними вместе,
Косточкой посажен апельсин,
к выдуманной тянется невесте,
вербе, примеряющей сатин.

По весне, по щучьему веленью,
всё, что хочет жить, объединя;
не бывать пустому повторенью -
в повторенье не было меня.

Видя, как вишня, яблоня облетает цветом,
Будет нелишним заметить себе при этом:
Всё остальное, что было и будет наше -
яблонь, вишен не краше.

Именно в этот цвет - рябящий и столь частый,
словно в конверт заглядывая за счастьем,
пальцами выуживаешь, о gloria мунди,
огня ледяные секунды.

Речь их идёт, в движении каждом слитна
с ходоморбит, об общей крови и лимфе.
Думаешь об отправителе.
Очи кверху возводишь.
Смотришь продолжительно.

И марку под паром сводишь.

Где на ребяческие козны
и юго-запада дворы,
воспеты Межировым поздним,
кивали желтые шары, -
когда вытягивал травинку
и приставлял её к зубам,
я муравьиною тропинку,
боясь, прокладывал в себя.

Не муравьиного укуса
Из темной земляной трухи, -
Но флейту травяного вкуса,
в какую верят пастухи
я в руки получил... Но нет же:
я помню утро февраля,

где верховодит ряд сольфеджий
и клавиш фабрики Заря.

Я заплатил занятий цену
За музыки живую весть.
Но если мир – немая сцена:
Зачем травинку было есть?

Через тебя рождаются на свет
покой и шум. Сегодня ты в ударе.
И если есть в тебе чего-то сверх,
То это мальчик на воздушном шаре.

Он - выскочка, он - жаворонок, дух.
Он речь свою ведет с оглядкой пули;
хрусталиком в глазу разносит в пух
апостолов, что на горе уснули

в такое утро бездны на краю -
кто врозь, кто с вещмешком своим в обнимку.
Еще он говорит: Я вам дарю
Вот эту вырастающую дымку,

Как лестницу в нагие небеса,
На цыпочках без видимой опоры;
Земли окружность – были бы глаза
бессонные и быстрые, как скорый -

всю охватили б. И, наверно, враз,
исполнились тугой и звонкой веры.
Не завтра, но сегодня и сейчас,
Мы невесомы, будто монгольфьеры.

- Комфорта, говоришь ты?
Достоевский

Он дерзит и хочет главного -
чтобы о причал,
грудь с монисто, чтобы - лавою.
Не прямых начал,
повод говорить из тихого
места на свету.
Выбранной главы «У Тихона»,
грязь и красоту.
Космос весь, от сих, от атома
до его глубин.
Ибо если дьявол от ума,
Значит Бог един.
Не Петруши жизнь комфортную,
с цифрою притом, -
из любви поступка. Вот он вон
с бородой, в пальто.
Удивляется согражданам,
косится на крест:
Все-таки мы с вами разные.
И орешки ест.